

ВОПРОШАНИЕ О БОГЕ
(к 70-летию со дня рождения Народного поэта Чувашии
Геннадия Айги)

*Бог? Это цитата: из Бога
Г.Айги.*

В поэзии каждого народа бывает три или четыре абсолютно незаменимых поэта. Так, кажется, рассуждал герой Дж.Д.Сэлинджера Симор («Симор: введение»). Великий филолог и лингвист 20-го века Роман Якобсон (1896-1982) оценил Геннадия Айги в 1976 году «как экстраординарного поэта современного русского авангарда». Французский режиссер, актер и поэт Антуан Витез называл Айги и грека Яниса Ридоса абсолютными поэтами.

Для кого и для какого народа Айги является абсолютным поэтом?

Для чувашей абсолютными поэтами были и являются до сих пор Кесьтентин Иванов, Сеспель Мишши, Васьлей Митта, Эльгер. В современной русской поэзии Айги воспринимается как о с о б ы й и, может быть, даже у-топический поэт. В чувашской поэзии и шире культуре он тоже уникален.

Примерно с середины 70-х годов прошлого века поэзия Айги обретает широкую европейскую известность. Как « и н о г о и единственного поэта в мире» определяет Айги один из самых авторитетных современных французских поэтов Жак Рубо («Монд», 1990, июнь). Но сама заметка называлась «Айги, чуваш...».

Punctum contra punctum, который сформировал Геннадия Айги именно как поэта, это его стремление свой “малый чувашский мир” (Пурёнах: чёваш уй-хир.: С.м вёрман.: ешл ял.: Йёлём-улёх.: шыв-шур. – Чёвашла п.ч.к т.нче! – Пет.р Хусанкай): “сельский, народный”, свои *поля и леса*.

- и-словно единою-песней единого-народа

соединить, сочетать с общезначимым. Иначе говоря, пользуясь старым добрым выражением, огрубляя, это можно было бы обозначить как диалектику национального и интернационального. **Оставаясь чувашом, быть гражданином мира.** Хотя порой ему приходилось возвращаться из дальних странствий по иным пространствам Духа, он никогда не чуждался своей малой страны и не был здесь чужим. Но всегда старался сохранять и поддерживать космополитический уровень и «священный огонь поэзии» (как уточняет сам поэт: «Поэзия, на мой взгляд, может делать единственное: сохранять человеческое тепло под холодным зимним небом»).

Недаром Питерский клуб – 80 присудил Айги премию имени Андрея Белого в 1987 году с такой формулировкой: «за мужественное одиночество поэтического труда, преодолевшего национальную ограниченность чувашского, русского, французского языков и открывшего в просветах высокого творчества единое поле человеческой культуры».

В 1993 году в «Русской мысли» была опубликована статья «Три родины Айги». Автор, Виталий Амурский, заключает ее такими словами: «...в последние годы у Айги появилась возможность бывать в разных странах (...), но, как мне кажется, духовно он остается верен только двум родинам: Чувашии и России. Впрочем, есть и третья родина, литературная, - Франция». С этим можно согласиться. Ибо изначальный интерес к новейшей французской поэзии от Шарля Бодлера до Рене Шара открыл для него «европейское ощущение, осознание свободы и культуры». Первая премия – премия Французской академии имени Поля Дефея была получена им еще в 1972 году за перевод и издание антологии «Франци поэт.сем» (1968). За ней последовало и много других престижных европейских поэтических премий и даже французский Орден Командора изящных искусств и литературы (1997).

Известность он получил и на своей первой родине уже в конце 50-х годов, особенно после выхода своей первой книги стихотворений «Аттесен яч.пе» (1958), но эта «чувашская слава» была скорее отрицательного свойства. Ибо даже такой академический литературовед как М.Сироткин писал в 1963 году: «Геннадий Айги начал свой творческий путь с крикливого пафоса отрицания поэтического наследия и достижений родной литературы, с однобокого изображения жизни, восприятия ее сквозь призму нездорового скепсиса...». Но именно в те годы вокруг Айги стали собираться первые «айгисты» – чувашские поэты Геннадий Юмарт, Алексей Аттил, Педэр Эйзин, художник Анатолий Миттов и др. Сейчас айгисты это довольно широкое международное сообщество, которое говорит на самых разных языках и проживает в разных странах (от Соединенных Штатов до Японии, не говоря уже о Европе), занимается разными видами идеологического творчества и которое известный литературовед Владимир Новиков определяет так: «Айгисты – это и исследователи творчества поэта, и его переводчики на многочисленные языки, и близкие ему по творческой стратегии поэты, художники, музыканты, - словом, все те, кого Робель (Леон Робель, французский поэт и переводчик Айги, а также «айгист номер один», как создатель этого термина. В этом году, в московском издательстве «Аграф» вышла его книга о творчестве чувашского поэта – А.Х.) объединил в этой книге понятием «духовная семья».

Россия, которая действительно воспринимается Айги даже в самых трагических разрезах и разломах ее современной трагической истории как некая родина (ср. его книгу «Поле – Россия» - 1978-1982), достаточно поздно стала воспринимать, публиковать его тексты и как-то пытаться их осмыслить. Лариса Березовчук в статье «Тишина-и-Поэзия, или Пейзаж после битвы (Геннадий Айги и его место в русской поэзии второй половины XX века)» так характеризовала эту ситуацию: «...Геннадий Айги достаточно признан за рубежом, а в России его творчество вызывает в литературном сообществе либо шадящие фигуры умолчания, либо откровенное неприятие. Исключение составляет лишь родная Чувашия, где Геннадий Айги – по его формулировке, «чувашский поэт, пишущий на русском языке», - признан национальным классиком» //«Русская мысль», 2000, июль. Впрочем, ситуация изменилась, пожалуй, в конце 90-х годов прошлого века, чему свидетельством было присуждение ему первой премии Бориса Пастернака в мае 2000 года.

* * *

Несмотря на то, что творчество Айги во многих своих чертах является отражением трагических ситуаций нашего времени (невозможность искусства после Освенцима, как это определял Теодор Адорно) и отсюда мотивы *с т р а д а н и я , б о л и , ж е р т в е н н о с т и , г и б е л и , р а с п а д а*, то есть некий образ страны как «пространства-идеи-отчаянья», во многих его текстах присутствует семантический инвариант СВЕТА.

Видимый Светится: сквозь острова
белого: в поле: все более белого
(Поле:цветет жасмин)

Он и сам признается, что «...тема света, как главная тема всей моей поэзии начинается у меня очень рано – еще в моих чувашских стихотворениях 1954-1956 годов...».

В очень ранних стихах и в дальнейшем творчестве (текстами как на русском, так и чувашском языках) Айги подтвердил *б е л ы м* цветом свое чувашское мироощущение. Например, в тексте «Заморская птица» (1962), посвященном замечательному музыканту и своему другу А.Волконскому, он откровенно говорит: «слава белому цвету – присутствию бога». Это важное признание. В других текстах это будет *бинт, гипс, кость, розы, белизна, снег* и другие лексемы, которые так или иначе выражали тему Белизны. Белизна может быть и СМЕРТЬЮ (гибелью). Момент жертвы, жертвоприношения, которое в чувашской обрядовой практике обозначается животными белого цвета. Чувашская вера (чён чёваш т.н.) подтверждает, что *б е л ы й* это любимый цвет **Торё**. Венгерский исследователь Д.Месарош в книге «Памятники старой чувашской веры» (1913) приводит такую песню:

Хурёнташ хура юратать:
Кил.нтеш кине юратать?
Пир.н чёваш йёлипе
Т.....

Белизна это с в о й, р о д н о й - наш цвет, который при его наличии свидетельствует о нашем чистом (чувашском) местопребывании. Белизна, естественно, противостоит своей семантикой и магической аурой тьме, теням. Но наши шаги, взгляды, прикосновения и действия происходят в «в Стране-Белизне // где вздрагиванья много от тьмы-одеяния жизнью // все же совместных» (Посвящение – М.Л.Айги).

Находясь в общении и контакте с текстами Айги, не забудем о б е л о м - да будет с нами Свет!

Поэзия Айги мне кажется очень простой – нужно лишь внимательно ее читать и прислушиваться к местам-голосам. И в то же время, если признать ее разговором о себе, своей родине перед всем миром (он сам писал: «Простое желание – что-то рассказать об облике своей страны другим, - людям иных ландшафтов, иных культур. Так и возникали «мой» поля и леса, возникал снег, белея «до символа») и найти для этого разговора свой особый Язык, - это не будет так просто. У этого языка есть своя мета-грамматика и своя метафизика, а поэтический мир (топология) Айги это не просто чувственно зримые и слышимые места. Скорее можно было бы назвать их, следуя Платону, «наднебесными местами» (hiperouranios topos). Да, и разговор с самим собой это самый сложный диалог.

А, может быть, его утверждения, отрицания, вопросы, восклицания, увещевания относятся к некоторым у-топиям? И все же, айгиевская природосообразность, признание им чудесности природного **со-бытия** так или иначе связаны изначально с чувашским мирозерцанием. Его деятельность по подготовке и изданию Антологий чувашской поэзии на итальянском (1986), английском (1991), французском (1996) и других языках опять же свидетельствует об этом. И здесь он представляет от чувашского имени, показывая потаенный тембр чувашской поэзии, ее особого рода духовный порыв (вертикаль, направленная к **Богу-Торё**). В одном ряду находятся наши молитвы, песни – от колыбельной до погребальных, стихи наших больших, средних и малых поэтов. Это все единый духовный мир (**Чёваш Т.нчи**), в котором достойно – на своем месте – представлены боги и люди, одушевленная природа, растения, животные, где едины земной и потусторонний миры, чувашская этика и эстетика. Явлены национальное самосознание народа и индивидуальные устремления поэтов.

Именно с этим тембром чувашской словесности на глубинном уровне резонирует поэзия Айги. Хотя в его текстах мы найдем резонансы и с традицией поэтического и художественного авангарда начала XX века (и он им по праву наследует), а также многим проклятым поэтам своего времени, которые воплощали и личную трагическую участь, и переломные моменты жизни своей нации.

Язык Геннадия Айги начинается с **а**. Он подтверждает это эпиграфом к своей книге «Зимние кутежи» (1958-1977), который мы должны попытаться осмыслить.

в луче клубится а его лица и неба
под лампой камеры один один
(О.Б. Из стихотворения «К А.»)

Луч представляет С в е т, есть Небо и Лицо (поэта, я полагаю) в тесной камере. Лицо обречено видеть, слышать, обонять, осязать и говорить. Собственно Язык - в условиях социальной стагнации, советского идеологического, а порой и физического умерщвления, в ходе внутренней работы мысли – выступает как трагический код (шифр) для спасения «я»-души, когда «мир – это: нет никого уже больше!» – через «я»-сострадание, «я»-Сон, «я»-память:

Рана-Глагол
говорит сквозь лицо
(Снова: ты с конца)

И все равно « а - было задумано как три совершенно идентичных» света (как троекратное «действие Бога»)). Так открывал мета-грамматику своего личного, при-своенного Языка Айги.

Его стихо-творение невозможно разделить на более мелкие значащие единицы (строки, строфы), оно представляет собой единый цельный Текст, такую единицу номинации, которая указывает на некоторый фрагмент У-топии («вещами Бога посещаемой») и потому превращается в некий иероглифический знак (тексты Айги как «иероглифы бога», в которых трудно и порой невозможно определить пространство, время и субъект действия. Некая «мгновенная смесь и-Места-и-Времени». Отдельное стихо-творение как хронотоп). Его личностный поэтический Язык может показаться, с одной стороны, чрезвычайно абстрактным, где слова провисают в вакууме т и ш и н ы , тяготеют к Абсолюту и поэт ведет речь о бытии сущего, ино-бытии, не-бытии. Текст Айги есть вопрошание о Боге и, желая познать благо, стремясь обладать благом, поэт подчиняет язык, чтобы он был причастным сущности бога (согласно Платону). С другой стороны, его язык обыденен и простоват. В простых и насущных вещах (явлениях) – поле, лес, деревья (культ деревьев и цветов у Айги), ребенок, свет, ветер - Айги пытается обнаружить духовную силу, энергию, неявленное присутствие бога-Творца. Это также один из архетипов чувашского происхождения, который, правда, является общим для многих традиционных культур.

и будто мы
в природе
чувствовали:

молчащего там – Бога – место явное! –
(Розы – покинутость)

* * *

«я» – красота
что может стать
единственно е с м ь ? –

как бого-красота! –
(Розы в горах)

Геннадия Айги иногда называют «гунном», «шаманом», то есть наследником языческой традиции, сам себя он предпочитает считать православным христианином. Другие говорят о нем как о чуть ли не о последнем представителе общеевропейского поэтического модернизма.

Я могу сказать, со своей стороны, лишь одно, что Айги способен видеть, слышать и осязать м е с т а божьи повсюду: в лесу, поле, любой географической точке, в белом листе, в звуке а, в шиповнике в цвету и т.д. Практически в любой линии своей топологии.

то рода с в е т (одно и то же гласное:

поет – во всех местах в лесу
его один и тот же Бог)
(И снова – лес)

Может быть, эти часто встречающиеся в лесах боги – чувашские «правовые господние Зарева!»?

Время-место (хронотоп), звучание или образ божий так или иначе западают в душу поэта, сохраняются в ней и затем отражаются в его текстах. А-хрония и У-топия дают чистую протяженность бога, его длительность, которые могут тянуться в любую точку, к любому растению, в любой момент времени. Айги порой сотворяет молитву в тексте («Ты –

это звук», но и здесь остается п р о с в е т и, как императив бога, выступает а, проектируя
Его явление:

а - о с л е п и и п р и м и
и о т к р о й с я - к о л ь е с т ь о б н а р у ж и т с я
о т и ш и н а - и и с у с !..

(И: как белый лист)

Вопрос о боге – истинном бытии – Айги всегда ставил перед собой, в своих медитативных текстах для самого себя («Бог» – неверное выражение. Есть только: «А Бог?» Во веки веков» // «Долго: в-шорохи-и-шуршания», 1991), ему в этом вопрошании не были нужны какие-то посредники, ибо, как известно, «Бог мертв» (Ницше сказал, а Хайдеггер подтвердил **это**. Один из учителей Айги художник, философ и теоретик супрематизма Казимир Малевич издал в 1922 году трактат «Бог не скинут») в социуме, нынешнем псевдодемократическом, и прежнем, тоталитарном. Каждая личность должна искать свой о т д е л ь н ы й Путь к Сущему-в-себе. Айги уже давно находится на этом пути...

* * *

Однажды Геннадий Айги высказался о себе очень откровенно. Это высказывание о своем « итоге *усилия отдельной личности*» (так определял созидание языка поэтом Поль Валери).

(я силой был среди сил я знаю то что знаю
и отдавал себя как высший дар - свобода
бывает – лишь свободой)
(К разговору на расстоянии)

Я радуюсь тому, что итог его усилий **есть** свобода.